

К дешифровке албанских надписей Азербайджана

История изучения албанской письменности фактически начинается с 1937 г., когда И. В. Абуладзе обнаружил албанский алфавит в Эчмиадзинском фонде Матенадарана (Эчм. № 7117) в Ереване¹.

Первым исследователем албанского алфавита был А. Г. Шанидзе², а в дальнейшем его изучали И. В. Абуладзе, Р. А. Ачарян, Л. М. Меликсет-Бек, Р. М. Ваидов, А. Г. Абрамян, Ж. Дюмезиль, Х. В. Бэйли, Эллис Х. Миннз, Р. Г. Хьюсен и др.

Дискуссия вокруг албанского алфавита особенно активизировалась после находок надписей археологическими раскопками в Мингечауре. Однако многолетние кропотливые работы в области исследования алфавита и письменности пока что не привели к определенным положительным результатам. До сих пор не выяснено происхождение алфавита и не дешифрованы известные надписи. Имеющиеся по этому вопросу соображения носят обычно самый общий характер.

Известные нам списки албанского алфавита восходят к XV—XVI вв. Трудно судить, насколько они соответствуют оригиналу, составленному при-

вывод Откупщикова, что «перед нами язык, близкий древнегреческому, или один из существенно отличных его диалектов» (стр. 32 брошюры). Так, на стр. 8 знак ||, которым палеографы отделяют строки в копиях, принят за карийский знак словораздела; далее Откупщиков полагает, что в ряде случаев в зависимости от направленности знака меняется его значение, например знак †, повернутый в левую сторону (т. е. †), вместо *l* обозначает *i*, †, повернутый в левую сторону, уже не *r*, а *ö* (см. таблицу, стр. 23 и др.). Отдельные карийские знаки у Откупщикова соответствуют разным звукам ($\wedge = a, l$; $\text{C} = g, \check{o}, \bar{o}$; $\square = \bar{e}, ei$; $\oplus = th, \check{o}, \bar{o}$; $\text{Q} = r, \check{o}, \bar{o}$; $\uparrow = i, l$; $| = i$, знак словораздела, густого придыхания, апострофа) и, наоборот, один звук выражается многими знаками ($th = \oplus,)$; $\check{o}, \bar{o} = \oplus, \text{C}, \text{Q}, \text{Q}$; $i = |, \text{Q}, \uparrow$; $t = \wedge, \uparrow, \ddagger, \text{†}$; $u = \vee, \nabla$ и т. д.); при этом в поисках графических прототипов Откупщиков обращается к любому из многочисленных греческих локальных алфавитов, относящихся подчас к значительно более позднему периоду, например знак ∇ для *u*, по словам Откупщикова (стр. 11), единожды засвидетельствован в греческой надписи V в., хотя ясно, что основная часть репертуара карийских знаков должна восходить к ограниченному числу локальных архаических греческих алфавитов (по Шеворошкину, алфавиты Крита, Феры, Мелоса — VIII в.) и многое другое. Ни с методической, ни с фактической точки зрения совершенно неясно, как автор брошюры приходит к своему выводу о греческом характере языка карийских надписей. Вызывает удивление, наконец, постулируемый Откупщиковым разрыв между карийским языком надписей и ономастикой Карики, сохранившейся в греческих передачах. В итоге чтения поражают своей произвольностью, сплошь и рядом они противоречат и фонеморфологическим особенностям греческого языка, искомого Откупщиковым в карийских надписях, ср., например, $\Upsilon\omega\zeta$ в III 46 (стр. 19 брошюры) вместо *uloz* у Шеворошкина и $\text{M}\xi\alpha\chi\text{F}\alpha\iota$ в III 4 (стр. 23 брошюры) вместо *avkañs* у Шеворошкина, ср. лид. *avka-* и т. п. Всесторонний разбор брошюры Ю. В. Откупщикова см.: И. М. Дьяконов. Карийский алфавит и его место среди древнейших письменностей. — ВДИ, 1967, № 2, стр. 235 сл.

¹ И. В. Абуладзе. К открытию алфавита кавказских албанцев. — «Изв. ИЯИМК Груз. ф. АН СССР», т. IV. Тбилиси, 1938, стр. 69—71.

² А. Г. Шанидзе. Новоткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки. — «Изв. ИЯИМК Груз. ф. АН СССР», т. IV. Тбилиси, 1938, стр. 1—68.

мерно за десять веков до последних. Неизвестно также, когда и на какой основе создан албанский алфавит. Источники и исследователи отвечают на эти вопросы по-разному. По сообщениям армянских историков V—VI вв. Корюна и Моисея Хоренского, алфавит составлен Месропом Маштоцем. По Корюну, он создан на основе албанского языка; по М. Хоренскому, он составлен на базе гаргарского языка, «богатого гортанными, свистящими и шипящими звуками»³. Ссылаясь на эти свидетельства, армянские ученые Р. А. Ачарян, Я. А. Манандян, М. А. Абемян, А. Г. Абрамян и др. прямо отмечали, что албанский алфавит составлен в начале V в. именно Месропом Маштоцем. Однако еще современник Корюна — Газар Париский, а затем и Давид Грамматик (VII в.), говоря о деятельности Маштоца, писали, что он является реформатором лишь армянского алфавита⁴. Эту версию поддерживают и армянские ученые Н. Г. Адонц, Г. Н. Акинян, Л. М. Меликсет-Бек и др. Так, Г. Н. Акинян, возражая первой точке зрения, указывает, что Маштоц «никогда не составлял алфавита для христианского албанского народа»⁵ и что сведения древних авторов о создании им письменности для албан относятся к европейским готам, а не к кавказским албанам. Отметим также высказывание Р. А. Ачаряна с ссылкой на Г. Н. Акиняна («Handes amsozja», Wien, 1935, стр. 515) о том, что встреча Маштоца с Вениамином, в результате которой был выработан алфавит готов, имела место в Константинополе⁶. Н. Г. Адонц и Л. М. Меликсет-Бек не только отрицают авторство Маштоца в составлении албанского и грузинского алфавитов, но и считают его реформатором староармянского (Данииловского) алфавита⁷.

Интересно отметить, что Египше, Себеос, Ананий Ширакский и другие армянские писатели V—VII вв. также ничего не говорят об изобретении албанского алфавита Маштоцем. В этих условиях едва ли будет полезно в настоящее время настаивать в вопросе происхождения алфавита на определенном авторстве. Думается, что неудачи исследований в области изучения албанской письменности в определенной мере связаны с последним обстоятельством. Одним из таких исследований можно считать книгу проф. А. Г. Абрамяна «Дешифровка надписей кавказских агван» (Ереван, 1964).

Книга А. Г. Абрамяна — первая монографическая работа, посвященная дешифровке албанских надписей. Поэтому целесообразно на ней остановиться подробнее.

В основу попытки чтения надписей автор положил свою интерпретацию списка албанского алфавита: «Единственным надежным ключом для дешифровки новонайденных рукописей (следовало бы «надписей». — Г. В.) Мингечаура является общеизвестный агванский алфавит, сохранившийся в армянской рукописи Матенадарана № 7117» (стр. 25). А. Г. Абрамян пишет: «О том, что мингечаурские надписи бесспорно являются агванскими, а алфавит, содержащийся в рукописи № 7117, действительно агванский, нетрудно убедиться из нижеприведенной сводной таблицы, где бок о бок приводятся знаки рукописи и знаки надписи» (стр. 21). При сопоставлении оказалось,

³ Мовсес Хоренаци. История Армении. Тифлис, 1913, стр. 329 (на арм. яз.).

⁴ Газар Парпеци. История Армении. Тифлис, 1904, стр. 1 сл. (на арм. яз.).

⁵ Г. Н. Акинян. Св. Месроп Маштоц. Вена, 1949, стр. 318 (на арм. яз.).

⁶ Журнал «Эчмиадзин» 1956, № 11—12, стр. 46.

⁷ См.: Н. Г. Адонц. Армянская литература. — «Новый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона», т. III. СПб, 1915, стр. 642—643; Л. М. Меликсет-Бек. К вопросу о генезисе армянского, грузинского и албанского алфавитов. — «Труды Музея истории Азербайджана», т. II. Изд. АН Азерб. ССР. Баку, 1957, стр. 49—56.

что знаки албанских надписей не имеют никакого отношения к следующим буквам алфавита:

Q C E F U I L J

и т. д.

Кроме того, в таблице А. Г. Абрамяна сильно искажены начертания букв албанского алфавита: например, буквы «зим», «кат», «ен», «жа», «ина», «чар», «кар», «чай», «нуц», «тай», «сек», «тиур», «цав», «цайн» более сходны с начертаниями букв армянского алфавита (см. стр. 22—24).

После приведения сводной таблицы автор, до того как приступить к чтению надписей в третьей главе, дает свое уточнение «формы и звуков букв агванского алфавита» (стр. 25). Исправляя якобы искаженные буквы, А. Г. Абрамян заключает, что албанский алфавит сходен с армянским, что становится якобы «более наглядным после исправления явных ошибок, допущенных в армянских транскрипциях названий агванских букв. Так, по ошибке переписчика буква «гим» превратилась в «зим», «дат» в «гат», «эб» в «эб», «эб» в «эб», «ца» в «ча», «рон» в «ион» и т. д.» (стр. 25—26).

Как отмечает А. Г. Абрамян, «составитель алфавита (т. е. Маштоц.— В. Г.) всячески стремился сделать агванский алфавит оригинальным, чтобы ни одна буква не была похожа на свой прототип — т. е. на буквы армянского алфавита» (стр. 39). Если это так, то непонятно, как автор установил степень искаженности букв алфавита и сходство албанского алфавита с армянским в целом.

Рассматривая порядок букв албанского алфавита, А. Г. Шанидзе пишет: «Албанцы буквы своего алфавита расположили так, что знаки специфических звуков размещены среди букв, имеющих соответствие в греческом»⁸. Это значит, что староалбанский алфавит, подобно староармянскому, в V в. подвергся переработке. Возможно, в связи с распространением христианства в Албании возросло просвещение, надо было писать книги и переводить церковную литературу. Именно с этой целью Маштоц и Саак обновили армянский алфавит, добавив к нему знаки для специфических армянских звуков. Так же могли бы поступить и составители албанского алфавита независимо от учета истории армянского. А. Г. Абрамян не обосновывает свое положение о том, что «создатель агванского алфавита брал за основу порядковость армянских букв, не допуская в них нарушения» (стр. 18). Если это было именно так, то позволительно спросить автора, зачем же он был вынужден «исправить» значения более 30 букв, считая их искаженными? А. Г. Абрамян ссылается только на то, что порядок букв албанского алфавита не соответствует порядку букв армянского, так как неверны названия его букв: «Вторая буква в алфавите — „odet“. Название, бесспорно, неверное, — так как по очередности за А должен следовать В; третья буква носит название „zim“. Искажены как форма ее начертания, так и название. По порядку очередности букв алфавита должно быть G» (стр. 28). Однако такой порядок присущ армянскому алфавиту, а не албанскому. Если албанский язык действительно входил в семью иберийско-кавказских языков и был близкородственным удинскому, то его алфавит мог иметь совершенно иной порядок букв. Если сопоставить древнегрузинский алфавит с древнеармянским, то налицо разный их порядок. В армянском за е следует з, а в грузинском — в, в армянском за th следует ж, а в грузинском — и, в армянском за л следуют х, ц, к, h, да, гъ, ч, в грузинском — м, н, о, пI, ж, р, с и т. д.

Если согласиться с мнением А. Г. Абрамяна, что «первообразом для букв алфавита агван являлись буквы армянского и грузинского алфавитов» (стр. 27), то порядок букв албанского алфавита надо было скорее сопоста-

⁸ А. Г. Ш а н и д з е. Порядок букв грузинского, армянского и албанского алфавитов. — «Труды Музея истории Азербайджана», т. II. Баку, 1957, стр. 42.

вить с грузинским, входящим в ту же языковую семью и располагающим сходными фонетическими чертами. Сходство обоих порядков видно из знаков албанских надписей, приведенных автором в шестой графе сводной таблицы, соответствующих знакам древнегрузинского алфавита:

G D V L O K Š Z Ā P Ć
Ź Ő 7 6 Q 4 Y 6 Y U H
Ź Ő 7 6 Q 4 9 6 Y U H

Очевидно, что в порядке букв такого сходства между албанским и армянским алфавитами не наблюдается. Для подчинения порядка букв албанского алфавита порядку армянского А. Г. Абрамян и пришлось переместить и «исправить» более 30 знаков списка.

В реконструированном А. Г. Абрамянном алфавите налицо шесть аффрикат *č*, четыре сонорных *j*, по три сонорных *l*, спиранта *x* и *š*, два сонорных *r* (см. стр. 35—37). При этом возникает масса недоуменных вопросов: где здесь знаки для смычно-гортанных, латеральных, фарингальных и прочих албанско-удинских фонем? Если автор претендует на реконструкцию алфавита, то почему он не транскрибирует 11 знаков (№ 12, 16, 18, 22, 24, 28, 32, 33, 36, 45, 49)? Чем вызвано наличие в албанском шести аффрикат *č*, четырех *j*, трех *l*, *š*, *x*?

Несмотря на отсутствие разъяснений, А. Г. Абрамян «сравнивал звуковой состав переработанного им агванского алфавита со звуковым составом удинского языка и выяснил, что разница между ними небольшая» (стр. 38). Между тем если бы автор привел в работе соответствующую сравнительную таблицу, то соотношение звукового состава оказалось бы иным. Так, в «переработанном» А. Г. Абрамянном албанском алфавите нет знаков для удинских фарингализованных гласных *aʷ*, *uʷ*, *yʷ*, *oʷ*, *uʷ*, в нем нет фарингальных согласных *kʷ*, *xʷ*, спирантов *ʃI*, *gʷ*, аффрикат *ʃʃI*, *č*, *č*, глухого непридыхательного *nI* и смычных *kI*, *g*, *q*. В удинском языке четко представлена дифференциация согласных на сонорные, спиранты, смычные и аффрикаты, причем смычные и аффрикаты образуют группы в три ряда, спиранты — в два. Такую дифференциацию, однако, невозможно усмотреть в «переработанном» алфавите А. Г. Абрамяна.

Неточна у автора характеристика отдельных фонем. На стр. 31 говорится, что умлаутированный гласный *ö* «по произношению ближе к *h*, поэтому поставлен рядом с ним». Однако губной гласный переднего ряда среднего подъема *ö* и глухой спирант *h* — совершенно различные величины.

Транскрипция букв алфавита очень дефектна и не соответствует знакам дешифровки. Так, *čar* (№ 19) и *čaŋ* (№ 39) одинаково переданы как *č* (стр. 36—37), *jajd* (№ 50) — знаком *v* (стр. 37), а *soj* (№ 52) — знаком *t* (стр. 37). Нарушается и порядок букв алфавита, постулируемый автором. Если специфические албанские звуки в принципе ставились в алфавите рядом со сходными с ними, то почему *jud* (№ 11), *jar* (№ 30), *jajd* (№ 50), *la* (№ 14), *lan* (№ 15), *liŋ* (№ 22) и т. п. не стоят рядом?

Отсутствие в списке алфавита знаков для звонкого спиранта *gʷ* и фонетически неясной разновидности *n* автором обосновывается тем, что в нем должно было быть 54 знака, а не 52, как это имеет место. Последнее мнение аргументируется в свою очередь тем, что до введения арабских цифр в качестве числовых знаков использовались буквы алфавитов, что будто бы приносило вносилось в последние определенное количество букв (стр. 34). Но эти предположения автора не оправданы ни лингвистически ни культурно-исторически.

Как указывает А. Г. Абрамян, разбором звуковых значений албанского алфавита занимались А. Г. Шанидзе, Ж. Дюмезиль, Г. Ворошил и частично

Х. В. Бейли и Эллис Х. Миннз⁹. Исследование показало неточность передачи названий ряда букв, что затрудняет установление звукового состава албанского языка. При этом привлекался звуковой состав удинского языка. Было установлено наличие в албанском примерно 20 шипящих и свистящих фонем. По названиям букв, однако, в алфавите не удалось определить знаки для *б, гъ, р, къ, хъ, джI* и др. Оставалось неясным, почему (судя по названиям букв) в алфавите налицо несколько *з, й, и, дж, ч, к* и т. д. К тому же знаки албанских надписей мало походят на буквы списка алфавита. В итоге при помощи алфавита не удавалось дешифровать сами надписи.

Вместо того, чтобы развить положительную сторону этих исследований и рассмотреть их недостатки, А. Г. Абрамян прямо исходит из традиции гипотетического отождествления албанского с удинским. Как известно, среди доводов А. Г. Шанидзе в пользу идентификации албанского и древнеудинского фигурируют одинаковое число свистящих и шипящих фонем, реальное значение в удинском девяти названий албанских букв, удинская этимология ряда албанских названий месяцев¹⁰. В своих дальнейших исследованиях А. Г. Шанидзе приходит к выводу, что «удинский язык — это один из новоалбанских диалектов, или, что то же, албанский есть литературный язык древних удин, т. е. древнеудинский язык»¹¹. Однако, по его же словам, «мы еще не знаем, каков был албанский язык, чем характеризовался его морфологический строй, в чем состояли синтаксические особенности и каков был лексический состав. Был ли он типа удинского языка, или даже его предком»¹² или нет — это еще не решенная проблема. Можно ли в этих условиях безоговорочно отождествлять албанский и древнеудинский?

А. Г. Абрамян должен был обратить внимание прежде всего на то, почему в его «переработанном» алфавите (и в рукописи № 7117) отсутствуют специфические албанско-удинские (т. е. дагестанские) фонемы, но изобилует глухой спирант *j*, которого вообще не было в общелезгинском состоянии, чем вызвано наличие здесь трех *x, l, š* и шести *č* при отсутствии их в таком количестве в дагестанских языках. При этом кажется показательным употребление в алфавите диакритики \leftarrow , участвующей в начертаниях девяти букв, которая могла отличать фарингализованные гласные *аъ* и *иъ*, фарингальные согласные *къ, хъ, һъ* и смычный *пI* от простых *а, и, к, х, һ* и *п*. При передаче двух специфических согласных — альвеолярно-дорсального *č* и переднеязычного *чI* — также использована эта диакритика, развернутая обычным образом в написании «*чай*» (№ 38) и наоборот — в написании «*IamI*» (№ 39). Таким образом, А. Г. Абрамян не только не приводит своих аргументов в пользу идентификации языка албанских надписей и удинского языка, но и не пытается их найти.

А. Г. Абрамян начинает с дешифровки большой надписи на постаменте алтарного креста, найденного археологами Азербайджана в Мингечауре; надпись относится к V—VI вв., так как культурный слой II храма, где она найдена, соответствует именно этой эпохе¹³. В надписи 66, а не 58 знаков, как считает А. Г. Абрамян на стр. 40. Автор видит в ней 13 трех—пятислож-

⁹ См. А. Г. Шанидзе. Новооткрытый алфавит. . . , стр. 27—40; G. Du'm é z i l. Une chrétienté disparue. Les Albanais du Caucase. — «Mélanges Asiatiques» I, t. 232, Paris, 1940—1941, стр. 125—132; Г. Вороши и л. Гедим Агван величбасы в удин дили наггында. — «Изв. АН Азерб. ССР», серия обществ. наук, № 1. Баку, 1962, стр. 79—80; Д. Дрингер. Алфавит. М., 1963, стр. 383—385.

¹⁰ А. Г. Шанидзе. Новооткрытый алфавит. . . , стр. 37; Он же. Язык и письмо кавказских албанцев. — «Вестник отделения общественных наук АН Груз. ССР», т. I. Тбилиси, 1960, стр. 175—186.

¹¹ А. Г. Шанидзе. Язык и письмо. . . , стр. 189.

¹² А. Г. Шанидзе. Новооткрытый алфавит. . . , стр. 61.

¹³ Р. М. Вахидов. Минкәчевир III—VIII әсрләрдә. Баку, 1961, стр. 94—113.

ных слов и заключает, что она выполнена в 640 г. на удинском языке. Здесь и возникает целый ряд возражений. Вопреки словам автора о том, что «заметны также удинские грамматические формы», последние трудно усмотреть, так как чтения А. Г. Абрамяна не составляют предложений. Если надпись удинская, то в соответствии с даваемым русским переводом — «В тридцатом (году царствования) Ираклия был построен храм (во имя) святого Египше (или Египше Гиса). . . в память епископа Овела» (стр. 47) — по-удински она могла бы выглядеть так: «Ираклин къайсарбаксунун сакъовицI усенастIа ме гергецI сернеце (или бикънеце) иъвеъл Йегъиши цIийал. . . йепIускIопI Обели ехун (или аъмхуън)». Однако дешифровка гласит: ALIA S[Ä]G[BC USENI] [KAJ]SIRE IOARANGLE ELHÄSH GOVSE ĆAΘOSŔOÄ. . . SERB[I]. . . ÄI NOVILI [EPI]SKAPOSE IBI İÄİĆ (стр. 42). Текст ее не образует предложений, отсутствуют в нем и грамматические формы. Аорист SERB[I] требовал бы форму эргатива на *-н* для субъекта [Ираклий]. Вместо USEN ожидалась бы форма адессива с послелогом *-стIа*. Начальное ALIA вообще не могло быть в данном контексте, так как: а) в удинском оно значит 'верх', 'высота', 'на', а не 'в', как указывает автор (стр. 42); б) в удинском, как и во всех иберийско-кавказских языках, вместо предлогов функционируют послелоги: ср. удинский послелог *-стIа* 'в' (*укI-е-стIа* 'в сердце', *усен-а-стIа* 'в году'). Следует учитывать, что исконно удинские основы состоят из двух—пяти фонем состава VC, CVC и т. п. (ср. *ул* 'волк', *пул* 'глаз', *кIаша* 'палец'). Им не свойственно стечение гласных или согласных в слоге, так что даже в заимствованной лексике происходят соответствующие изменения: *станция* > *ыстанция*, *бригадир* > *биргадир*, *трамвай* > *тырамвай* и т. д.¹⁴ Поэтому, в частности, написания IOARANGLE, [KAJ]SIRE не могут передавать удинского текста.

При дешифровке А. Г. Абрамян не следовал им же самим данной реконструкции алфавита, вследствие чего в чтениях допущено много ошибок. Если по сводной таблице на стр. 36 умлаутированный Ä передается знаком U, то в надписях автор видит его четыре вида: в большой над-

писи U (SÄG. . .) и U, на подсвечнике № 2 { (GəθÄ) и { (ABÄ).

Согласно таблице I и J имеют разные начертания } и 9, но в большой надписи оба переданы через } (см. İÄİĆ, [KAJ]SIRE). В надписях 9 вообще не встречается. В большой надписи в первой строке

после S идет č (č), который автор не транскрибирует и вместо SČÄG. . . пишет SÄG. . . (стр. 42). В сводной таблице R и Ŕ имеют разные знаки,

а в большой надписи оба передаются через L (см. [KAJ]SIRE, IOARANGLE, SERBI). На подсвечнике № 1 А. Г. Абрамян видит R в знаке Σ

(см. ČAĆAR, ČÄVRE), на черепке же № 4 — в знаке C (MAĆAR).

В сводной таблице дается один знак для i (ч), однако в большой надписи имеем два: ч (IBI) и | (ÄI). В надписи на постаменте алтарного креста | отдельно не употребляется; не свидетельствует ли это о том, что он выражает в совокупности с соседним знаком некоторые специ-

¹⁴ Г. Ворошил. Ниджский диалект удинского языка (звуковой состав и некоторые фонетические процессы). — «Изв. АН Азерб. ССР», серия обществ. наук, № 3. Баку, 1963, стр. 85—87.

ческие фонемы. В таблице одним знаком *б* представлено и *L*, хотя в надписях последнему отвечают *ч* и *9* (ELHĀŠH, ... ĞEL).

Не нашли отражения в таблице три знака, встречающиеся в дешифрованных текстах: *Ĝ*, *Ń*, *Ķ*. Между тем в надписях для *Ĝ* имеется пять разновидностей: в большой надписи *Ч* (ĪAĪĜ) и *Ч* (EĜNAŠH, что, впрочем, ошибочно транскрибируется как ELHĀŠH на стр. 42), на подсвечнике № 1 *Ч* (ČAĜAR), на черепке № 4 *Ч* (MAĜAR), на подсвечнике № 3 *У* (... ĞEL). В то же время знак *У* в сводной таблице дан для *Ö*. На черепке № 1 как *Ö* интерпретируется и знак *U* (BÖVŽA). В таблице *E* и *Ž* тоже имеют по одному знаку: *Э* и *Ж* соответственно, а в надписях — по два: *Ž* (ŽARE), *Ž* (ŽENA) и *Ж* (BÖVŽA), *7* (ŽENA).

В дешифрованных текстах подобный произвол имеет место очень часто. Однако в монографии А. Г. Абрамяна надписи не только неточно дешифруются, но и представлены неадекватно. Так, на лицевой части надписи на постаменте алтарного креста имеется 25 знаков; однако в книге из них приводится 22. До лакуны в строчке насчитывается девять знаков, по А. Г. Абрамяну же — только семь. Группа знаков, идущих после лакуны, у автора почти целиком отсутствует. Таким образом, на лицевой стороне постаumenta целый ряд знаков не рассматривается. Начертание ряда других знаков искажено. Например, четвертый знак и седь-

мой переданы как *Q* и *U* (стр. 42). Знаки второй и третьей граней постаumenta даются полно, но с искажениями. Неточно переданы и знаки надписи на подсвечнике № 1, где вместо *Q*, *7* даны *O*, *7*.

Судя по дешифрованному тексту, албанские надписи содержат в 185 буквенных знаках 40 слов. Из последних лишь семь оказываются удинскими, а 33 — заимствованными. Так, в большой надписи из 13 слов лишь три удинских (ALĪA, SĀGBC̣ и SERB[I] — см. стр. 43—46), в надписи на подсвечнике № 1 из десяти слов (47 знаков) только одно удинское — XAČ[KAN]IBI (стр. 52) и т. д. 14 слов (56 знаков) оказываются персидского происхождения, ряд слов идет из греческого и иных источников.

До 640 г. удинский, действительно, мог в основном черпать лексические заимствования из персидского языка. В связи с распространением христианства в Албании в него могли проникнуть некоторые термины из армянского и греческого источников. Однако невероятно, чтобы в VII в. на 40 употребленных слов в удинском приходилось такое большое число заимствований. Если бы уже в ту эпоху удинский подвергся столь сильному воздействию, то он давно бы уже был полностью ассимилирован. Между тем он существует и поныне, сохраняя свой фонетический, грамматический и лексический строй.

А. Г. Абрамян датирует надпись на постаменте алтарного креста 640 годом, опираясь на факт обнаружения в том же храме армянской надписи такого же содержания и с названной датой. Однако он не учитывает, что армянская надпись на миндалевидном камне найдена в Мингечауре в четвертом

храме и относится к VIII—IX вв.¹⁵ В 1956 г. А. Г. Абрамян читал в этой армянской надписи, что храм построен «в 35-й год царствования Ираклия, во имя святого Египше. Память Нерсеса»¹⁶. Затем он пересмотрел ее интерпретацию, учтя тот факт, что Ираклий царствовал всего 31 год и на 35-м году его царствования храм не мог быть построен. В рецензируемой работе автор предлагает новый вариант чтения: «В тридцатом году [благочестивого царя] Ираклия . . . был построен храм во имя святого Египше» (стр. 20). В новом варианте вставляется «благочестивого царя», наоборот — исключается «пятом», «память Нерсеса»; «году» же не берется в скобки, хотя в тексте его нет. При сопоставлении армянской надписи с албанской видно, что в первой нет «память епископа Обела», «царствования», а «во имя» не заключено в скобки; во втором отсутствует «благочестивого царя», а «году» взято в скобки. Вместе с тем албанская и армянская надписи выполнены на разных объектах, и нельзя доказать, что они составляют одну билингву.

На сомнения наводит и факт, что в армянской надписи налицо начертания *a* и *j*, восходящие, согласно самому же А. Г. Абрамяну, ко времени не ранее 1512 г.¹⁷ Нет никаких эпиграфических, палеографических и тем более лингвистических данных для исправления чтения *eresnerordi hingerordi* 'в тридцать пятом' на *eresnerordi* 'в тридцатом'. Высказанные выше замечания показывают, что армянский текст не может составлять с албанским единой билингвы.

А. Г. Абрамян игнорирует историческую ситуацию в Закавказье VII в. Как известно, в 607 г. в Двине произошел церковный разрыв между Албанией, Грузией и Арменией¹⁸. «Албанцы обратились к себе, чтобы не быть ни под чьей властью»¹⁹. Борьба халкедонитской церкви Албании с монофизитской армянской усилилась. Армянское духовенство добивается, чтобы «архиепископ агванцев был им подчинен. Агванцы не соглашаются, суниты от армян обращаются к агванцам и получают от них рукоположение и елей»²⁰. В это время армянская надпись едва ли могла иметь место в албанском кафедральном храме (скорее можно было ожидать наличие здесь грузинской или греческой надписи).

Но мог ли быть упомянут в большой надписи епископ Обел, если она действительно относится к 640 г.? У Моисея Утийского²¹ упоминаются три Обела: 1) пустынный иерей Обел (стр. 53); 2) диакон Обел (стр. 53) — оба упоминаются во время царствования Вачагана, т. е. в V в.; 3) епископ Обел. Если надпись гласит: «память епископа Обела», то имеется в виду, конечно, последний. Однако А. Г. Абрамян забывает, что, по Моисею Утийскому, Обел был современником албанского католикаса Тер-Нерсес Бакура (680—704 гг.). Едва ли Обел мог быть епископом столь длительное время. Следует учесть, кроме того, что он был епископом области Мецаран в нынешнем Карабахе, в то время как храм в Мингечауре подчинялся епископу области Шаки или Кабалы.

¹⁵ См.: С. М. К а з и е в. Новые археологические находки в Мингечауре. — «ДАН Азерб. ССР», т. IV, № 9. Баку, 1948, стр. 400; Р. М. В а и д о в и В. П. Ф о м е н к о. Средневековый храм в Мингечауре. — «Материальная культура Азербайджана», т. II. Баку, 1951, стр. 93.

¹⁶ А. Г. А б р а м я н. Дешифровка фрагментов армянских надписей, найденных в Мингечауре. — «Эчмиадзин», 1956, № IV—V, стр. 66—72 (на арм. яз.).

¹⁷ А. Г. А б р а м я н. История армянского алфавита и письменности. Ереван, 1959, стр. 107 (на арм. яз.).

¹⁸ И. А. Д ж а в а х о в. История церковного разрыва между Грузией и Арменией в начале VII века. — «Известия АН», 1908, стр. 436—445.

¹⁹ М о и с е й К а л а н к а т у й с к и й. История Агван. СПб., 1861, стр. 220.

²⁰ Там же, стр. 217.

²¹ Вслед за Я. А. Манандяном и Н. Я. Марром мы предпочитаем называть автора «Истории Агван» Моисеем Утийским.

А. Г. Абрамян относит надпись на подсвечнике № 1 к XI в., ссылаясь, в частности, на наличие в ней арабских слов (стр. 55—56). Однако автору следовало бы считаться с тем, что археолог Р. М. Ваидов, относя эту надпись к V—VIII вв., исходит из места культурного слоя, в котором найден подсвечник, в общей стратиграфии местности.

С VIII в. делопроизводство в Албании велось на арабском языке. После смерти Тер-Нерсес Бакура арабский халифат презрительно относился к албанскому духовенству, католикосы назначались только с согласия армянского католикоса. Албанская письменность была вытеснена из церкви и была забыта, видимо, не позже конца IX—начала X в. Трудно поэтому согласиться и с мнением А. Г. Абрамяна и ряда исследователей, что албанская письменность существовала до XIV в. Если при этом имеется в виду сообщение Хетума (XIV в.), что halojenі, населявшие территорию Армении, имели письмо, то следует еще выяснить, имеют ли они какое-либо отношение к албанам (при этом возникает вопрос, почему в нарушение традиции Хетум называл албанов halojen-ами, когда почти его современники Киракос Гандзакский и Степан Орбелян называли их по-прежнему).

Многочисленные замечания, поправки и уточнения свидетельствуют о том, что исследование албанской письменности, и особенно исследование, предпринятое А. Г. Абрамяном, не руководствовалось сколько-нибудь строгим методом и пока не достигло успеха. Эта интересная и очень актуальная проблема ждет своего пытливого и внимательного исследователя.

Г. Ворошил